

КИТАЙСКИЙ ВЗГЛЯД НА ЧАРЛИ ЧАПЛИНА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА «THE CHINA CRITIC»)

Д. Н. Гиргель

*Белорусский государственный университет,
ул. Кальварийская, 9, 220004, г. Минск, Республика Беларусь,
dhirhel@gmail.com*

В статье раскрываются взгляды китайских интеллектуалов 1930-х гг. на феномен популярности звезды немого кинематографа Чарли Чаплина в Китае и во всем мире. Китайские интеллектуалы интерпретировали этот феномен через призму китайских культурных, философских и эстетических ценностей. Для них Чаплин был не просто иностранным актером, а носителем даосского мировоззрения и театральных традиций Китая, что объясняло его гениальность и феноменальную популярность по всему миру. Такая интерпретация стала актом культурного самоутверждения Китая на международной арене.

Ключевые слова: Чарли Чаплин; «The China Critic»; Китай 1930-х.

КІТАЙСЬКІ ПОГЛЯД НА ЧАРЛІ ЧАПЛІНА (ПА МАТЭРЫЯЛАХ ЧАСОПІСА «THE CHINA CRITIC»)

Д. М. Гіргель

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
вул. Кальварыйская, 9, 220004, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь,
dhirhel@gmail.com*

У артыкуле раскрываюцца погляды кітайскіх інтэлектуалаў 1930-х гг. на феномен папулярнасці зоркі нямога кінематографа Чарлі Чапліна ў Кітаі і ва ўсім свеце. Кітайскія інтэлектуалы інтэрпрэтавалі гэты феномен праз призму кітайскіх культурных, філасофскіх і эстэтычных каштоўнасцяў. Для іх Чаплін быў не проста замежным акцёрам, а носьбітам даоскага светапогляду і тэатральных традыцый Кітая, што тлумачыла яго геніяльнасць і феноменальную папулярнасць па ўсім свеце. Такая інтэрпрэтацыя стала актам культурнага самасцвярджэння Кітая на міжнароднай арэне.

Ключавыя словы: Чарлі Чаплін; «The China Critic»; Кітай 1930-х.

В XX веке Чарли Чаплин (1889–1977) был феноменально популярен во всем мире. «Когда думаешь о Чаплине, то прежде всего хочется вникнуть в тот странный строй мышления, который видит явления таким странным образом и отвечает на них образами такой странности. [...] Вот что волнует, вот что интересует, вот что хочется разгадать: чьими глазами глядит на жизнь Чарли Чаплин?» – писал С. Эйзенштейн в статье «Charlie the Kid» (1943–1945 гг., впервые опубликована с сокращениями в 1945 г.) [1, с. 494–495]. За несколько лет до статьи С. Эйзенштейна китайские интеллектуалы искали объяснение феноменальной популярности Чаплина во всем мире и особенно в Китае. Известно, что только в период с 1919 по 1924 г. в Китае было показано 29 фильмов Чаплина. Его мастерство пришлось по душе китайцам, и молодая китайская киноиндустрия предлагала фильмы в похожей стилистике. Настолько, что студия Mingxing в 1922 г. сняла фильм «滑稽大王游沪记» (Huájī dàwáng yóu hù jì), также известный как «Король комедии посещает Шанхай» («The King of Comedy Visits China»), рассказывающий о вымышленном визите Чаплина в город. Главную роль в фильме сыграл двойник Чаплина – Ричард Белл (1889–1965). Чаплин посетил Китай в 1936 г. В Китае он пробыл всего один день, но его визит вызвал сенсацию, и новости о нем заполнили заголовки по всей стране.

В 1932 г. в китайском англоязычном журнале «The China Critic» в эссе «Чаплин» философ и писатель Т. К. Чуань (全增嘏, 1903–1984) объяснил феномен популярности Чаплина. Он поставил перед собой задачу раскрыть «сущность» артистичности Чаплина. Простое объяснение, что Чаплин – превосходный комик, казалось ему недостаточно убедительным, поскольку это именно то, что требовало объяснения. «Мы, которые не слишком высокого роста, должны быть особенно ему благодарны, потому что он дал нам почувствовать себя оправданными и отомщенными» [2, с. 433]. «Мы» – это китайцы, которые узнавали себя в чаплиновском Бродяге. Автор пришел к выводу, что Чаплин «прославил комплекс неполноценности», и именно в этом заключается его истинное величие.

В 1936 г. в журнале «The China Critic» была опубликована статья Яо Синьнуна (姚莘農, также известного как Яо Кэ 姚克, 1905–1991) под названием «Китаец в Чаплине» [3]. Яо Синьнун – первый китайский студент, окончивший Йельскую школу драмы, редактор журнала «T'ien Hsia Monthly», а также известный драматург и сценарист.

Автор отмечал, что Чаплин – самый широко известный и почитаемый иностранный киноактер в Китае, а также единственный, кто с тех пор, как его фильмы дебютировали в стране в 1910-х гг., сохранил свою популярность среди китайской аудитории. Звезды немого кино – Перл Уайт, Лилиан Гиш, Мэри Пикфорд, Гарольд Ллойд – остались в сознании китайского кинозрителя лишь воспоминанием, и их фильмы больше не показывали в кинотеатрах. Однако Чаплин по-прежнему оставался большим фаворитом. Его имя прочно вошло в повседневную речь китайцев.

Автор задавался вопросами: «Почему? В чем секрет его несравненной популярности в Китае?» Похоже, это очередная загадка в длинном списке «китайских головоломок». Автор предположил самый очевидный ответ, что Чаплин – отличный комик. Это, конечно, правда, но не вся правда. То, что принесло Чаплину долгую популярность, гораздо сложнее простого умения вызывать смех. Автор пришел к выводу, что это секрет, но только не для китайцев. Потому что Чаплин – это китаец.

Чаплин – китайский актер. Его искусство на экране – не что иное, как искусство китайского актера на сцене. Все действия китайского актера, даже такие незначительные, как движение руки, не случайны и основаны на стилистических образцах. На китайской сцене люди представлены типами персонажей и классифицируются соответствующим образом. Когда входит злодей, сразу понимаешь, что он злодей. Когда появляется комик, вы без раздумий узнаете его таковым. Каждая роль имеет свою особую манеру речи, действий и прочего, так что вы можете сказать, как она исполняется, даже не глядя на сцену. Зритель пристально смотрит на актера только для того, чтобы увидеть, насколько хорошо он это делает. Когда зритель смотрит фильмы Чаплина, он чувствуете то же самое.

Каждое его движение, настолько стилистически структурировано, что не может быть чьим-либо еще. Он создал и сплел их в одно неповторимое целое и вдохнул в его призрачное существование жизнь настолько трогательно-реальную, что она прокрадывается в сердца зрителей и живет там помимо их самих. Это искусство Чаплина, и оно китайское.

Кроме исполнительского мастерства, Чаплин является китайцем в том смысле, что он даос. Даосское начало отражено в его фильмах, в которых он выступал в роли актера, режиссера и сценариста. Все его фильмы вызывают невероятный смех, но их истории по большей части скорее патетические, чем смешные. Они, как правило, не комичны и не

трагичны. Они показывают лишь краткий, эфемерный, неважный эпизод жизни во сне, затем заканчиваются и исчезают в огромной пустоте времени и пространства. «Огни большого города» (1931) – отличный тому пример.

Человек, которого Чаплин изображает на экране, также является совершенным даосом. Он – вечный бродяга, дитя природы. Он совсем один – бездомный, без родителей, без семьи, без денег. Он никуда не идет, но он везде. Он никто, но он кто угодно. Он не ленив и не прилежен, потому что он ничего не делает. Он одновременно самый скромный и самый гордый из людей. Его могут растоптать ногами и оплевать, или же дать ему состояние и сделать королем. Но его невозможно победить или испортить. Он неизменен, как неизменно Дао, ибо он совершенный даос.

Яо Кэ сравнивал образ Бродяги Чаплина с персонажами китайской литературы. По его мнению, одной из наиболее заметных особенностей китайского романа является искусство выразительной характеристики. Китайские писатели использовали ту же технику при создании своих персонажей, какую применял Чаплин, создавая образ Бродяги.

Яо Кэ утверждал, что все великие художники неизменно являются мастерами стиля в своей области. Кроме того, он был убежден, что все великие мастера стиля – китайцы. Автор допускал, что читатель мог возразить: художник не обязательно должен быть китайцем, чтобы быть мастером стиля. Но Яо Кэ настаивал на том, что величайший стилист из всех – это китаец. Следуя этой логике, он пришел к выводу, что Чаплин как художник – китаец. Почему? Потому что Чаплин – великий стилист, а значит, и он – китаец. Яо Кэ превозносил эту сторону китайской культуры и обращался к читателю: «Хотите верьте, хотите нет, но китайцы все стилизуют. В Китае нет ничего невозможного!» В искусстве стиля Запад уступает Китаю [3, с. 298]. Китаец – величайший стилист. Поэтому понятно, почему Чаплин, как величайший стилист экрана, – китаец.

Но, конечно, нельзя считать, что все китайские актеры являются великими стилистами. Когда Яо Кэ сравнивал Чаплина с китайскими актерами, он имел в виду, что они схожи в техническом плане, в создании стилизованных персонажей. Костюм Бродяги, грим Чаплина и его своеобразные манеры стандартизированы так же, как и различные роли в китайском театре. Однако для Чаплина, как и для великого китайского театрального артиста, стилизованный образ – это пьедестал, на котором он стоит и возвышается. Создание образа – это часть искусства,

связанная с определенным методом, но совершенно отличная от того, что делает его мастером стиля. Потому что стиль – это индивидуальный способ художественного выражения, который характерен только для того, кто придает ему форму. В глазах китайцев Чарли Чаплин – китаец.

Яо Кэ пришел к выводу, что по своей манере исполнения, высочайшему мастерству и жизненной философии Чаплин лучше всего отражает дух китайской культуры. С одной стороны, в статье Яо Кэ можно усмотреть стремление прославить не столько самого Чаплина, сколько китайскую культуру. С другой стороны, вместе с международным признанием Чаплина получало признание и «китайское Я» его гения. Подчеркивая «китайскость» в образе звезды мирового кино, автор возвышал китайскую культуру, поднимая ее до уровня мирового значения.

Яо Кэ раскрыл феноменальную популярность Чарли Чаплина в Китае и его восприятие как культурного и художественного явления, глубоко связанного с китайской традицией и мировоззрением. Чаплин китайцами воспринимался не только как выдающийся комик и мастер киноискусства, но и как носитель даосских ценностей, типичных для китайской культуры. Его образ – это не просто стилизованный персонаж, а воплощение вечных принципов гармонии, простоты и внутренней силы, присущих даосской философии. Китайские интеллектуалы 1930-х годов видели в Чаплине отражение собственных культурных традиций: его движения, манеры и стилистика напоминали китайский театр и литературу, где персонажи четко типизированы и символичны. В этом контексте Чаплин становился не просто иностранным актером, а «китайцем» на экране – носителем тех же ценностей и художественных приемов, что и китайские мастера.

Чаплин – это яркий пример того, как западное искусство может быть интерпретировано через китайскую философию и эстетические ценности. Популярность Чаплина в Китае выразила более глубокий процесс диалога между культурами: он стал мостом между Западом и Востоком, объединив их через общие идеи гуманизма, простоты и внутренней гармонии.

Библиографические ссылки

1. *Эйзенштейн С. М.* Charlie the Kid // Избранные произведения : В 6 т. М. : Искусство, 1964. С. 494–521.
2. *T. K. C. Chaplin* // The China Critic. 1932. 05 May. P. 433.
3. *Yao Hsin-nung.* The Chinese in Chaplin // The China Critic. 1936. 26 March. P. 296–298.